

**Б. Г. АНПИЛОГОВА,**  
*Старший преподаватель ЦМО МГУ*

---

## «СОРОКОВЫЕ, ГРОЗОВЫЕ...»

Весной 1941 г. я заканчивала первый класс. Жили мы в Дегтярном переулке недалеко от улицы Горького в самом центре Москвы. Мой отец, Анпилогов Григорий Николаевич, работал в ИФЛИ\* деканом исторического факультета, потом после слияния института с университетом, работал в качестве доцента на историческом факультете МГУ. Мама, София Николаевна Анпилова, — микробиолог по образованию, до войны работала в ВИЭМЕ\*\*, а потом — старшим инспектором в ректорате МГУ. Вместе с нами жил младший брат мамы, мой дядя, Евгений Пральников, который учился на старшем курсе филологического факультета ИФЛИ. Я его называла просто Женя.

Помнится, ранней весной 1941 г. дома велись разговоры о том, что хорошо было бы на лето снять дачу под Москвой, лучше по Белорусской дороге. Мы часто обсуждали наши планы на лето. Особенно мне запомнились рассказы Жени о том, как мы будем гулять по полям и в лесу, а он будет мне рассказывать все, что знает о цветах, травах и деревьях. 22 июня, в воскресенье, родители должны были поехать снимать дачу. В этот день оборвалась наша счастливая довоенная жизнь. Началась война.

Отец по состоянию здоровья был освобожден от воинской службы, и он вместе с мамой продолжал работать в университете, а меня отправили подальше от бомбежек в какую-то недалекую деревню, где я жила у одной женщины. Иногда они приезжали с тревожными новостями — фронт приближался. Осенью многих студентов, в том числе и Женю, отправили на строительство оборонительных сооружений, они рыли противотанковые рвы.

Мы, как и многие москвичи, жили в коммунальной квартире. Среди наших соседей была пожилая француженка Долорес

---

\* Институт философии, литературы и истории.

\*\* Всесоюзный институт экспериментальной медицины.

Францевна, которая уже давно жила в нашей стране. Перед отпавлением Жени на оборонительные работы она подарила ему теплый серый шарф и шерстяной подшлемник.

Приближался октябрь 1941 г., фашисты подошли близко к Москве. Город часто бомбили, и мы прятались на ближайшей станции метро «Маяковская». В это время была организована эвакуация сотрудников университета и студентов. Мои родители не знали, что делать со мной — можно было отправить меня со школой на восток страны, а самим остаться в Москве, но потом решили остаться всем вместе. В октябре в эвакуацию отправлялись уже последние поезда, уехать было почти невозможно. Наконец, в самом конце октября, это было, кажется, 24 или 25 числа, отец получил места в поезде, где был вагон для сотрудников университета, и мы, взяв самое необходимое, погрузились в товарный состав, который направлялся в Ташкент.

В нашей теплушке, где вдоль стен были устроены нары, ехали со своими семьями многие преподаватели истфака, мехмата и других факультетов университета. Мне запомнились имена таких историков, как Арциховский, Машкин, Недошивин, Никольский, Троицкий. Впоследствии я встречала имена этих известных ученых на обложках книг по истории, археологии, искусству.

Наш поезд медленно шел в Ташкент — город хлебный. На остановках мы часто и долго стояли, пропуская другие составы. Мужчины с чайниками бегали за кипятком, иногда приносили что-нибудь из еды. На некоторых станциях были организованы горячие обеды для эвакуированных. Помню, как однажды, во время такой стоянки кто-то пришел в теплушку и радостно крикнул: «Вот, вместо чая принес чайник горячей лапши!». Это был всеобщий праздник!

Вообще, во время пути в нашей теплушке обстановка всегда была доброжелательная, спокойная и дружеская. Все помогали друг другу, успокаивали, когда было тяжело, смотрели за детьми.

Когда мы, наконец, приехали в Ташкент, нас разместили в школе. В каждом классе жило по несколько семей, было тесно, шумно, но весело. Я говорю весело, потому что все радовались тому, что под нами была уже земля, а над головой — крыша. Все

надеялись, что наше непростое путешествие закончилось. Но спустя некоторое время было принято решение отправить университет дальше в Ашхабад. Так мы оказались в Ашхабаде. Этот город запомнился мне жарким солнцем, прохладными арыками, тузовыми деревьями, с которых на землю падали спелые ягоды, и множеством больших собак. Нас поселили в центре Ашхабада. Мы жили на улице Гоголя, а учебные помещения находились на окраине города в Киши, куда надо было добираться довольно долго.

В Ашхабаде я пошла во второй класс, опоздав к учебному году на несколько месяцев. Школа была недалеко от нашего дома, я ходила туда пешком в сопровождении нескольких больших добродушных псов.

Летом началась жара. Днем мы занавешивали окна мокрыми простынями, но это мало помогало. Только ночью можно было более-менее свободно дышать. Многие с трудом переносили такую жару, особенно тяжело было пожилым и старым людям, измученным переездами, болезнями, недоеданием и общим горем. Не все смогли пережить все эти трудности. Похороны были частым явлением. Помню, как моя маленькая подружка, у которой умер отец, играла в куклы, изображая похороны.

Еще вспоминаются рассказы взрослых, что в пустыне, которая подходила к городу, можно было ловить черепах и делать из них суп. Молодые люди часто уходили туда на ловлю черепах, чтобы как-нибудь прокормиться. Из нашей семьи никто этого не мог делать, зато мама часто жарила редьку, и нам казалось, что это блюдо похоже на цветную капусту. Летом московских детей отправили в пионерский лагерь, который находился в прекрасном месте Фирюзе, где мы хорошо отдохнули.

После этого трудного года университет было решено перевести на Урал, так что в третьем классе я уже училась в Свердловске. После переезда туда нас сначала поселили в аудиториях института (кажется, это был Политехнический институт), а потом устроили в квартирах, где было хотя бы немного свободного места.

Нас с мамой подселили к семье, где мы жили в бывшей ванной комнате с маленьким окном под потолком. Там стояла

одна кровать и маленький столик, сделанный из чемоданов, на котором я занималась. Отец в это время уже добился разрешения вернуться в Москву. Он уехал, обещав скоро вызвать нас к себе, а пока мы остались одни. Долго не было писем, потом мы узнали, что он тяжело заболел, оказался в больнице, даже на какое-то время потерял зрение, поэтому не мог писать. В больнице за ним ухаживала Рита Горбачевская, дочь его старого друга Павла Ивановича Горбачевского, который, как и отец, работал преподавателем на истфаке. После начала войны он ушел добровольцем на фронт и погиб, защищая Родину.

В Свердловске жизнь была нелегкой. Мама работала, я ходила в школу, но все время мучило чувство голода. Как-то раз всем выдали американскую помощь — плитки какао (без сахара) и кофе в зернах. Какао досталось детям, а женщины получили кофе. Помню, как многие женщины (в том числе и мама) на работе жевали эти зерна, чтобы притупить чувство голода, а мы, дети, жевали жмых и какую-то смолу.

Несмотря на недоедание и холод, мы болели редко, думаю, что сибирская зима очень здоровая. Днем там часто был крепкий мороз, но солнечно и безветренно. В такую погоду я часто собирала хворост для печки. Так прошла зима, я окончила третий класс, в школе с нами тепло попрощались. Все уже готовились к отъезду. Мы получили вызов от отца и через какое-то время были уже дома, в Москве!